

Карл Крумбахер (1856–1909) (некролог)¹³⁸

[117] 12 декабря нового стиля прошлого года не стало Крумбахера. Эта утрата, поразившая историко-филологическую науку, была тем тяжелее, чем неожиданнее: тот, кто знал эту жизнерадостную, деятельную натуру, мог надеяться, что запас жизненных сил, ей данный, еще много лет не иссякнет.

Он родился 23 сентября 1856 г. в Баварии, в селении Kürnberg, около города Кемптена. Учился в Кемптенской гимназии. Гимназия была захудалая, но, может быть, именно потому не мешала любознательному мальчику предаваться страсти к разнообразному чтению и тем способствовала одной случайности, предопределившей призвание знаменитого византиниста. Других ученых, работавших в области Византии, приводили к ней интересы теологии, классической филологии, средневековой истории, археологии, палеографии: Крумбахер, как сам говорит, пришел к ней также окольной дорогой; но его — таков был его душевный склад — изучать мертвое прошлое побудила юношеская влюбленность в живое настоящее. В руки много читавшего гимназиста попал какой-то рассказ о борьбе греков за освобождение: он зажег в сердце юного читателя, уже любившем древнее эллинство, особенно пылкую любовь к новой Греции¹³⁹. Покончив с гимназией, он изучал в университетах Мюнхенском [118] и некоторое время Лейпцигском классическую филологию, а также¹⁴⁰ лингвистику с санскритом, но жадно искал возможности ближе узнать пленивший его молодое воображение народ героев, освободивший себя от многовекового ига. Для поддержания и удовлетворения такой любознательности баварские Афины Людвига «Филеллина» представляли больше случаев, чем какой-нибудь другой университетский город Германии: особенно с тех пор, как баварский принц [Otto Wittelsbacher] возведен был на трон Греции [1832 г.], много греческой молодежи являлось в Мюнхен учиться в университете или¹⁴¹ в Академии художеств. Мюнхенские профессора классической филологии, учителя Крумбахера, Крист и Бурзиан в своих ученых работах выходили по временам довольно далеко за ограду античности в пределы византийской или даже новогреческой литературы. То, что для учителей было междудельем, ученик решил избрать себе делом жизни. На самых первых порах студенчества он вступил в кружок мюнхенских греков, чтобы

---

¹³⁸ [Опубл.: Известия Имп. Академии наук. 1910. Сер. 6. № 2. С. 117–130.]

¹³⁹ [Das Problem der neugriechischen Sprache. Akademische Festrede 15. XI. 1902. Извлечение помещено в: Populäre Aufsätze, 1909. S. VII–IX.]

¹⁴⁰ Das Problem der neugriechischen Sprache. 1902. S. 50.

¹⁴¹ [Griechische Reise. Berlin, 1886. S. 386.]

при их помощи изучать язык, литературу и быт новой Греции¹⁴², и первым опытом его научно-литературной деятельности был (в 1880 г.) разбор новогреческой фонетики Карла Фоя, его товарища по Лейпцигу.

Ум, прошедший строгую школу филологии и лингвистики, не мог не сознать, что невозможно научно объяснять современное состояние греческого языка, не изучая средневековой эпохи его развития. Крумбахер обращается к исследованию памятников народной греческой речи времен перехода от древнего ее строя к средневековому: в докторской диссертации (в 1883 г.) и в нескольких журнальных статьях он излагает результаты своих разысканий об изводах греко-латинских глоссариев и разговоров псевдо-Досифея. Права университетского преподавателя он приобретает в 1884 г. в Мюнхене своими «Вкладами в историю греческого языка». Здесь критическим обзором того, что ранее делалось для исследования новогреческого языка, и разбором некоторых грамматических явлений доказываются два положения: 1) «Совершенно должна быть отвергнута применявшаяся до сих пор большинством исследователей метода, по которой новогреческие слова и формы отторгались от их историко-генетической зависимости и приводились в связь непосредственно с древнегреческими или даже — прагреческими». 2) «Особенно необходимо [119] точное изучение до сих пор не признававшегося или прямо отрицавшегося развития греческого языка от самого раннего средневековья до нынешнего дня».

Эти положения необходимо уже вели молодого филеллина к Византии. Разъяснялись они им главным образом на материале греческой «вульгарной» словесности; но мимоходом, в одном примечании, двумя ссылками затрагивался на основании чужого устного указания и материал византийской церковной лирики. Это указание сообщил Крумбахеру Вильгельм Мейер¹⁴³, занимавшийся, как и учитель Крумбахера Крист, исследованием ритмических форм этой лирической поэзии. Мейер, помогавший и раньше¹⁴⁴ своими советами исследователю рукописей Досифея, убедил теперь Крумбахера посвятить свои силы большому и важному филологическому труду — изданию произведений самого вдохновенного из церковных поэтов Византии, Романа Сладкопевца¹⁴⁵. — Собираение рукописного мате-

---

¹⁴² [Das Problem der neugriechischen Sprache. Akademische Festrede 15. XI. 1902. S.VII sq.]

¹⁴³ [Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1884. Bd. 27. S. 496, 522.]

¹⁴⁴ [De codicibus quibus Interpretamenta Pseudodositheana nobis tradita sunt. Dissertation. München, 1883. S. 19 sq.]

¹⁴⁵ [Umarbeitungen bei Romanos // Sitzungsberichte der Koenig. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch.-philologische und historische Klasse. 1899. II. S. 9]

риала для этого труда было конечной целью восьмимесячного путешествия на греческий восток, предпринятого Крумбахером в конце 1884-го года. Путешественник посещает Атику, многие греческие острова, западное побережье Малой Азии, Константинополь и три месяца проводит на Патмосе, копируя здесь рукописи церковных песнопений.

Материалом наблюдений, собранных во время путешествия, он пользуется для нового обширного исследования по истории греческого языка, а вместе с тем приступает к разработке еще одной области изучения, в которой такие исследования могли получить должное применение и найти новый запас материала — к разработке литературы греческих средневековых пословиц.

Отчасти и эти труды, а преимущественно приготовления к изданию произведений Романа по свойству этого материала, по условиям рукописной его традиции и по связям его с другими частями литературного достояния византийцев должны были приводить методического исследователя к необходимости предварительного решения многих вопросов византийской филологии вообще и истории византийской литературы в частности. Существенным затруднением успеха и плодотворности детальных разысканий по какому бы то ни было отделу византиноведения служило отсутствие сколько-нибудь научного обзора истории византийской литературы в ее целом. [120] С другой стороны, построение такого обзора могло представляться невозможным, пока большие массы материала этой литературы оставались исторически в деталях не обследованными или даже вовсе не были изданы, либо известны были только по изданиям небрежным и ненадежным. Крумбахер сделал смелую и как нельзя более счастливую попытку расколдовать этот заколдованный круг затруднений. В 1891 году он, тогда еще приват-доцент Мюнхенского университета, подарил ученый мир «Историей византийской литературы». Несмотря на отдаленность сюжета от интересов большой публики, в пять лет книга расходуется, и к 1897 году автор успевает приготовить второе ее издание, переработав ее и более чем вдвое увеличив.

Он имел право сказать, что для этого труда у него не было предшественников¹⁴⁶: нельзя же в самом деле считать предшественником компилятора, кое-как, на живую нитку сметавшего обрывки из третьих рук набранных сведений о предметах, которых не знал и не понимал. Но в сущности едва ли было бы преувеличением признание, что и для древней греческой литературы, несравненно более разработанной, тогда не было, да и теперь

---

¹⁴⁶ [Geschichte der byzantinischen Literatur. 2 Aufl. unter Mitwirkung von A. Ehrhard und H. Gelzer. München, 1897. S. V.]

нет исторического изложения, лучше удовлетворяющего необходимым требованиям, чем то, какое дано Крумбахером для литературы византийской. Во всяком случае нельзя не удивляться тому богатству точного знания и тому мастерству, какое он проявил, сумев при плане труда столь широком изложить своим всегда ясным и определенным, а часто живым и образным слогом все исторически значительное, отметив, где по свойству материала и по состоянию его разработки это было возможно, стадии развития литературных тем и форм и характерные черты писательских индивидуальностей, указав, никогда не подменяя фактов фантазиями, основания того, что действительно познано, мотивы того, что предполагается, пробелы, которые ждут восполнения, поставив¹⁴⁷ на очередь новые задачи изучения и самостоятельно обработав некоторые отделы так, что они явились превосходными исследованиями, настоящими учеными монографиями. По условиям развития византиноведения библиографическая часть истории византийской литературы имела особую важность, а по состоянию материала, чрезвычайно разбросанного и ни в каком книгохранилище, хотя бы в приблизительной [121] полноте, не собранного, требовала от составителя неимоверных затрат времени, внимания и труда. Крумбахер справился с нею так, что едва ли в другой истории какой-нибудь литературы найдется библиография столь полная, так добросовестно проверенная, в такой степени критически оцененная и осмысленная. В своей библиографии и в части собственно историко-литературной он сконцентрировал результаты, полученные во время нескольких путешествий, изучением более тысячи рукописей и справками, наведенными во всех значительнейших библиотеках западной и восточной Европы¹⁴⁸. Привлекши к сотрудничеству выдающихся знатоков по таким специальностям, как богословская литература и политическая история Византии, он создал во втором издании своего труда не только историю византийской литературы, а — можно сказать — и такую энциклопедию византиноведения, в которой если не все обзоры отдельных дисциплин изложены, то для всех даны схемы построения, заполненные ценнейшими библиографическими указаниями. — Сам автор скромно полагал, что его труд не есть еще истинно научная история византийской литературы, что такая история есть дело будущего¹⁴⁹. Другие

---

¹⁴⁷ Ф. И. Успенский в: [Отчет о деятельности Археологического института в Константинополе в 1896 г. // Известия Русского археологического института в Константинополе. 1897. Т. II. Вып. 2. С. 2–3] и в Журн. Мин. нар. пр., 1891, март, II, стр. 209–211.

¹⁴⁸ Geschichte der byzantinischen Literatur. S. IX, XII.

¹⁴⁹ Studien zu den Legenden des hl. Theodosius // Sitzungsberichte der Koenig. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. 1892. S. 323.

судьи могли по справедливости заявлять, что произведение Крумбахера особенно после того, как во втором издании оно было доведено «до истинно изумительной степени совершенства»¹⁵⁰, составило эпоху в науке¹⁵¹ и прибрело новые пути ее развитию¹⁵².

Крумбахеру первому удалось основать для византиноведения и специальный периодический орган, который должен был выражать и объединять проявления этого развития, направлять его ход, определять его методы. Такое назначение выполнял журнал *Byzantinische Zeitschrift*, в котором, при участии известнейших византинистов разных стран и народностей, Крумбахеру принадлежала роль руководителя как редактору журнала и как составителю библиографического отдела.

Крумбахеру византиноведение обязано и тем, что впервые со времени своего существования получило определенное место в системе университетского преподавания. Благодаря настойчивым усилиям и блестящей репутации приват-доцента византиниста, была учреждена (в 1892 г.) прежде всего для него при Мюнхенском университете кафедра, названная, [122] соответственно направлению деятельности и методологическим¹⁵³ воззрениям Крумбахера, кафедрой средне- и новогреческой филологии. Сначала это была экстраординатура, а вскоре — ординатура. При кафедре устроился семинарий, который, стараниями Крумбахера постепенно расширяясь и богатея средствами, сделался рассадником византиноведов не только для Германии, а и для многих из других стран, так или иначе, по примеру Мюнхена, устроивших преподавание византиноведения. А оно ведется уже и во Франции, Англии, Италии, Венгрии, Голландии, Бельгии, Сербии, Румынии. Почин Мюнхена отразился и на русской университетской школе, но у нас дело остановилось на полумере, не отвечающей ни особой важности византиноведения для русской науки, ни тем успехам в его разработке, которые составляют одну из признанных заслуг русских ученых.

Склонности и таланты организатора, методолога ученой работы и заботливость об усовершенствовании ее техники, проявившиеся у Крумбахера очень рано, отразились на содержании весьма многих его трудов. Как уже

---

¹⁵⁰ [Gelzer H., Rez.: K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897 // Berliner philologische Wochenschrift. 1897. 17. Jahrgang. N. 26. S. 802.]

¹⁵¹ [Treu M. Rez.: K. Krumbacher. Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie etc. (Sitzungsberichte der Koenig. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch.-philologische und historische Klasse. 1894. Hft. 3. S. 391–460) // Ibid. 1895. 15. Jahrgang. N. 51. S. 1609.]

¹⁵² [Bury J.B. Rez.: K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897 // The Classical Review. 1897. V. XI. P. 207.]

¹⁵³ Populäre Aufsätze. S. 387 sq.

указано, тема главного из грамматических его исследований, исполненных еще до греческого путешествия, пользуясь знакомствами, во время его завязанными, он для собирания материала по точно определенному вопросу диалектологии употребляет прием, едва ли кем-либо до тех пор к греческому языку применявшийся, да и вообще, если не ошибаюсь, тогда еще новый: устраивает массовую рассылку опросных листов, обставленную обдуманными предосторожностями, имеющими целью контролировать и его собственные наблюдения и показания его корреспондентов¹⁵⁴. Не говоря уже о его планах «Корпуса греческих актов» и нового греческого «Thesaurus», в его многочисленных монографиях очень часто исследование совершенно детального вопроса так расширяется, что переходит в начертание программы для будущего построения какого-нибудь обширного отдела науки или для исполнения какого-нибудь важного научного предприятия. Так, например, план и техника подготовительных работ для греческого «Thesaurus» обсуждаются и в статье, имеющей, по-видимому, самую узкую тему — определение значения одного греческого слова (κτῆτωρ)¹⁵⁵. В критическом разборе одного издания по греческой агиографии выясняется необходимость и программа историко-статистической грамматики греческих рукописей¹⁵⁶. [123] Даже своей речью о новогреческом литературном языке Крумбахер воспользовался, чтобы дать в одном примечании план истории византийской и новогреческой филологии¹⁵⁷. Когда, как это часто бывало, он критически издавал греческий текст, особенно из области церковной лирики или агиографии, то по этому поводу обыкновенно устанавливал и на данном материале проверял научные приемы такой работы, не ограничиваясь существеннейшими методологическими указаниями, имеющими значение для всякого издателя каких бы то ни было, хотя бы и не греческих текстов, но нисходя и до последних мелочей типографского исполнения¹⁵⁸.

Раз убедаясь в необходимости или пользе для его науки какого-нибудь вспомогательного знания или технического приема, он прилагал все усилия, чтобы самому по возможности вполне овладеть этим знанием или приемом и других побудить их усвоить. Сознав невозможность быть достаточ-

---

¹⁵⁴ [Ein irrationaler Spirant im Griechischen // Sitzungsberichte der Koenig. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch.-philologische und historische Klasse. 1886. S. 384.]

¹⁵⁵ [Sommer F. Zum indogermanischen Personalpronomen // Indogermanische Forschungen. 1912. Bd. XXV. S. 420 sq.]

¹⁵⁶ Studien zu den Legenden des hl. Theodosius. S. 275–277.

¹⁵⁷ Das Problem der neugriechischen Sprache. S. 186.

¹⁵⁸ Особенно этим материалом богаты [Miscellen zu Romanos // Abhandlungen der Koenig. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. I Klasse. 1907. Bd. 24. Abt. 3. S. I–VIII, 1–138.]

но осведомленным византинистом без умения понимать русскую книгу, он, когда ему было лет 35¹⁵⁹, самоучкой выучивается русскому языку, пользуется всяким удобным случаем говорить по-русски, ведет по-русски переписку с русскими учеными и приобретает широкое знакомство с русскими трудами по его специальности. Русскую изящную литературу он изучает так внимательно и так любовно, что ее образами пользуется иногда для иллюстрации византийских характеров и настроений, веря, что по наследству они перешли к нам, русским, и в нас еще живы. Так, например, разьясня сложный характер Никифора Фоки, он говорит: «Никифор — это Дмитрий и Алеша Карамазовы в одном лице, а в мудром старце Зосиме, одном из великолепнейших образов, созданных великим Достоевским, продолжает жить святой Афанасий, смиряющий и побеждающий непобедимого Никифора»¹⁶⁰. Своим личным опытом изведав значение русских произведений для целей науки и культуры, Крумбахер пытается испробовать, а, коли удастся, то и подготовить почву для учреждения кафедры славянской филологии в своем университете. С этой целью он несколько раз предпринимает преподавание русской грамматики и избранных отделов русской литературы, привлекая на некоторые из таких курсов до 126 слушателей¹⁶¹.

[124] Узнав об одном изобретении в области фотографии, способном во много раз облегчить, ускорить и уточнить филологическую работу издания рукописных текстов, он изучает теорию и практику фотографического искусства, вводит его преподавание в свой курс греческой палеографии¹⁶² и с той же основательностью, с какой исполнял свои византийские исследования, пишет обширную статью о применениях фотографии в области наук о духе, переполненную массой сведений и справок.

Как орудия новейшей техники спешил он обращать на пользу излюбленной науки, так для привлечения к ней общественного интереса и для пропаганды ее предприятий усердно стремился использовать все даваемые условиями новейшей культуры средства ученого общения и распространения научных идей. Он служил интересам византиноведения и как автор популярных статей в журналах и газетах, и как участник конгрессов историков, археологов, ориенталистов, и как представитель Мюнхенской Академии на съездах международной ассоциации Академий.

Не удалось ему исполнить того труда, в котором много лет видел цент-

---

¹⁵⁹ Das Problem der neugriechischen Sprache. S. 49.

¹⁶⁰ Populäre Aufsätze. S. 181.

¹⁶¹ Ibid. S. 370.

¹⁶² [Die Photographie im Dienste der Geisteswissenschaften // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1906. Bd. 17. S. 655.]

ральную задачу своей ученой работы, не удалось издать произведений самого замечательного из церковных поэтов Византии. В последней из монографий, относящихся к этой области, Крумбахер сравнивал обработку греческой церковной поэзии с наступлением на крепость, при котором наступающий, приближаясь к цели, натывается все на новые, прежде не заметные препятствия. Но занятия Крумбахера и этим предметом были в высокой степени плодотворны: плодом их были превосходное изложение соответствующих частей его истории литературы, а также издания отдельных произведений и сопутствующие им рассуждения, которыми удалена большая часть препятствий с пути того, кому в исполнение этой задачи суждено быть преемником Крумбахера. Нет сомнения, что, отдайся он исключительно ей, он создал бы монументальный труд, не уступающий самым совершенным образцам этого рода ученой производительности: у него вдоволь было той учености и тех способностей, которыми такие дела совершаются.

Но с одними этими способностями ему не удалось бы достичь того, что достигнуто совокупностью его ученой деятельности. Один из самых талантливых и много сведущих классических филологов нашего времени, очень скупой на похвалы, сказал о Крумбахере, что за ним останется [125] слава основателя византийской филологии¹⁶³. Знаменитый английский филолог и историк Византии, передавая, по-видимому, этот самый отзыв и не находя его преувеличенным, употребил выражения, которые значат: «Крумбахер почти что сотворил новую науку»¹⁶⁴. Кажется, действительно, можно сказать и «сотворил», если творение понимать как превращение хаоса в космос. Для изучения Византии много сделано было до Крумбахера; сам он преклонялся перед гигантскими трудами великих французских византинистов XVII-го века и высоко ценил заслуги многих других своих предшественников¹⁶⁵. Он не творил из ничего; но элементы, существовавшие без связи и порядка, силы, действовавшие без плана и вразброд, он объединил, упорядочил, организовал. В трудах Крумбахера византиноведение само себя сознало как особое от других и наравне с другими необходимое звено в изучении истории человеческой культуры, как самостоятельная область исследования, имеющая свой особый состав и программу, свой материал задачи и методы. Благодаря Крумбахеру получив определенное, постоянное представительство и органы деятельности в системе высшего препода-

---

¹⁶³ [Wilamowitz-Moelendorff *U. Philologie und Schulreform. Protektoratsrede, gehalten zur akademischen Preisverteilung am 1. Juni, 1892 // Reden und Vorträge. 3. Vermehrte Auf. Berlin, 1913. S. 110.]*

¹⁶⁴ [Bury *J.B. Rez.: K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1897 P. 207.]*

¹⁶⁵ Das Problem der neugriechischen Sprache. S. 186.

давания и в научной литературе, оно приобрело возможность дальнейшего самостоятельного развития, независимого от прихотей случайного любительства. Византистика уже более не «ancilla theologiae» или philologiae classicae, а сама себе госпожа. Крумбахер сделал для нее то, что Фридрих Август Вольф для классической филологии; разница только в том, что в кладку здания византийской филологии вошло гораздо более камней, собственноручно отесанных архитектором, чем в кладку здания филологии классической.

Крумбахер мог со справедливой гордостью сознавать, что, хотя и не он один, но он больше всех, как вождь и глашатай назревших настроений и потребностей, был виновником той перемены в отношениях и ученых кругов, а отчасти и большой публики к византиноведению, которая совершилась в последние два или три десятилетия. Нелегко было ему найти поддержку и сочувствие, когда он, питомец классической филологии, задумал удалиться из-под ее материнского крыла в византийские дебри. Известен его рассказ о том, как пришлось ему от «одного из первых светил на историко-филологическом небе Европы» выслушать настоятельнейшие увещания не предаваться изучению веков, о которых [126] непристойно говорить, и их духовной производительности, понять, что чистая любовь к древности и ее педагогическая сила должны оскудеть, если филология будет уклоняться на такие ложные пути, — покаяться и вернуться к эстетическим мясным котлам античности¹⁶⁶. Вскоре потом число уклоняющихся и случаи оказания новой веры так умножились, что охранителями истинного пути стал овладевать тот страх, у которого глаза велики. Если учитель Крумбахера Крист сам своими трудами или через своего ученика сколько-нибудь содействовал народению лжеучения, то уже через двенадцать лет после начала деятельности ученика оказался в положении кудесника, не умеющего прогнать духов, которых, сам вызвав, испугался. Уже в 1893 году он жаловался на то, что в диссертациях и журналах приходится больше читать о каракулях грубых ремесленников, о безграмотностях грамматиков, «даже о византийцах и отцах церкви», чем о настоящих классиках¹⁶⁷. Проходит еще двенадцать лет, и познание Византии является признанным элементом общего образования. При участии ученых знаменитостей Германии предпринимается для большой публики издание «Культура настоящего, ее развитие и цели», и Крумбахер дает в нем приноровленное к его назначению новое изложение греческой литературы средних веков.

Нечего и говорить, что, признавая за Византией историческое значение

---

¹⁶⁶ Geschichte der byzantinischen Literatur. S. V.

¹⁶⁷ Das Problem der neugriechischen Sprache. S. 4.

одного из факторов создания современной культуры, Крумбахер не мечтал о каком бы то ни было возвращении к византийским порядкам, нравам и идеалам. Как в приемах своей ученой деятельности, так и в своих взглядах на жизнь это был вполне и всецело человек новой культуры. Между учеными исследователями старины не легко было бы найти другого, который бы так часто и так живо высказывал отвращение ко всяким архаизмам и реставрациям. В самой византийской литературе не историческое только, а и безотносительное, эстетическое значение признавал он лишь за теми двумя видами произведений, которые считал наиболее свободными от оков традиции¹⁶⁸. Его полемика против господствующего типа литературного языка новогреков, навлекшая безобразно дикие клеветы на знаменитого византиниста, с детских лет бывшего завзятым филеллином, вызвана была тем, что он видел в этом языке архаизмов язык-консерв, язык-мумию, мертвящий новую мысль и новое чувство¹⁶⁹. [127] Нерасположение к архаизмам распространялось у него иногда и на такие предметы, что в человеке менее далеком от всякой манерности, могло бы быть принято за пустое привередничанье. Любя русскую литературу, Крумбахер не любил шрифта русской книги, а все из-за того, что находил в нем архаизм — покинутые другими новыми алфавитами «допотопные» принципы уставного письма¹⁷⁰. В суждениях о составе преподавания средней школы он склонялся в пользу таких новшеств¹⁷¹, которые, казалось бы, должен был считать не соответствующими интересам своей специальности. Это было возможно потому, что он был столько же человеком жизни, сколько человеком науки.

Сам о себе говорил он: «Пылкое пристрастие к конкретному, доступному проверке, живому, безыскусственному, народному, чисто человеческому постоянно влекло меня к тем областям исследования, в которых эти свойства преобладают»¹⁷². Страстной любовью ко всему живому и конкретному дышит его «Греческое путешествие». Читая его, часто забываешь, что это путешествует большой книжник, филолог, едуший списывать старинные рукописи; на каждой странице поражаешься, наблюдая, с какой жадностью ловит он, с каким наслаждением и меткостью изображает разнороднейшие впечатления живого, не книжного и не рукописного бытия. Свою отзывчивость к ним он объясняет тем, что кроме ветхих кодексов

---

¹⁶⁸ Ibid. S. 115.

¹⁶⁹ Populäre Aufsätze. S. 9.

¹⁷⁰ Miscellen zu Romanos. S. 134.

¹⁷¹ Populäre Aufsätze. S. 341; Das Problem der neugriechischen Sprache. S. 150.

¹⁷² Populäre Aufsätze. S. IX.

хотел изучать и язык народа¹⁷³, а иногда приводит их в своеобразную связь с другими вопросами своей науки, например, пытаясь в темных глазах и классическом профиле своей собеседницы гречанки найти опровержение теории Фалльмерайера и выводя отсюда необходимость для этнографии заменить измерение черепов фотографиями физиономий¹⁷⁴. Но нередко эти впечатления природы и жизни как будто грозят увлечь молодого путешественника далеко в сторону от его кодексов и от всей его науки; но иногда и в других его сочинениях, даже в самых специально-научных, сквозь густой строй аргументов нет-нет да и проглянет яркая бытовая картинка. — На Патмосе путешественник поселяется в монашеской келье, работа списывания рукописей оказывается огромной и тяжелой, громогласное монастырское било¹⁷⁵ и разные [128] другие невзгоды мешают ей; но все-таки он находит время и охоту перезнакомиться почти со всем двухтысячным населением острова, «начиная от преподобного игумена и монахов вплоть до проворных погонщиков мулов, неуклюжих крестьянских парней и древних старух, вечно занятых вязанием чулок»¹⁷⁶. — Очень тепло написана Крумбахером рецензия на посмертный труд Л. Траубе «Nomina sacra». Труд сам по себе великолепен, но выбор сюжета — двадцативековая история «титл», сокращенных написаний — по сознанию самого рецензента может показаться даже иному, не слишком глубокому специалисту странным капризом ученого чудачества. Кто бы мог ожидать, что в рецензии, обзорающей содержание такой книги, увековечены будут одно из Мюнхенских кафе и его служанка?¹⁷⁷ — Случалось и этому ясному уму переживать такие минуты, когда столь любезный ему пестрый мир живого и конкретного как будто задерживается завесой, сквозь которую и наука и искусство, все радости жизни и вся человеческая деятельность казались бессмысленным мельканием ничтожных теней. Такое настроение овладевает путешественником на Патмосе в пасхальную ночь. Но характерно, как быстро и чем отгоняет меланхолические размышления эта здоровая, деятельная натура, инстинктивно обороняющаяся от всего, что способно расслабить энергию жизни. Отгоняет не догмой, положительной или отрицательной, а такой мыслью: какое счастье для нас, что железная необходимость снова и снова принуждает нас возвращаться к этому грешному миру, и какая была бы опасность для развития человечества, если бы

---

¹⁷³ Griechische Reise. S. IX; Populäre Aufsätze. S. X.

¹⁷⁴ Griechische Reise. S. 6–8.

¹⁷⁵ Studien zu den Legenden des hl. Theodosius, S. 357–358.

¹⁷⁶ Ein irrationaler Spirant im Griechischen, S. 383.

¹⁷⁷ Populäre Aufsätze. S. 311, 313.

люди слишком часто предавались таким размышлениям и доходили до практических из них выводов!¹⁷⁸

Если в мыслях Крумбахера византиноведение имело значение для жизни, для запросов настоящего и для чаяний будущего, то значение посредственное и косвенное. Доказывая важность своей науки, от обыкновенно всего долее останавливался на том доводе, что без нее невозможно понимание и знание славянства¹⁷⁹. А он был убежден, что это знание должно быть воспринято европейской культурой, как ее необходимое дополнение. За год до своей кончины он напечатал в немецком «Международном еженедельном журнале», а потом поместил в заключении сборника, посвященного его новогреческим друзьям, рассуждение [129] о культурной ценности славянских языков¹⁸⁰. Существенное для нас содержание этой обширнейшей из популярных статей Крумбахера можно свести к таким мыслям. Целостная совокупность европейской культуры должна слагаться из трех элементов: германского, романского и славянского. Чтобы в меру сил отдельной личности быть причастником этой совокупности, всякий истинно образованный европеец должен владеть по крайней мере одним из языков каждой из трех язычных групп, тем трем элементам соответствующих¹⁸¹. Высшая и, в известной мере, средняя школа должны содействовать удовлетворению этой потребности. Между средствами усвоения третьего элемента культуры первенствующее положение должен занимать русский язык¹⁸². На это дает ему право значение русской ученой литературы, знакомство с которой для целого ряда наук необходимо, или по меньшей мере очень желательно¹⁸³. Этого требует значение русской изящной литературы. «Своим идейным и моральным содержанием, острым психологическим анализом, поразительной новизной наблюдательности, особенно участливым вниманием к быту низших классов, наконец, — серьезным, часто мрачным, но в конце концов оптимистическим мирозерцанием и почти не знающей исключений целомудренной чистотой настроений она завоевала себе прочное место в мировой литературе»¹⁸⁴. Нельзя знать России,

---

¹⁷⁸ Griechische Reise. S. 378 сл.

¹⁷⁹ См., например: Geschichte der byzantinischen Literatur. S. 33–36.

¹⁸⁰ Der Kulturwert des Slawischen und die slawische Philologie in Deutschland // Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. 1908¹. S. 9–10. Populäre Aufsätze. S. 337–372.

¹⁸¹ Populäre Aufsätze. S. 340.

¹⁸² Ibid. S. 364–365.

¹⁸³ Ibid. S. 353–356.

¹⁸⁴ Ibid. S. 349.

не зная ее языка и ее литературы, а «кто не знает России, тот ничего не знает о высоко значительном отделе общего существа культуры нашего времени», тот закрывает глаза на «величайший современный пример стародавнего, но вечно нового стремления человечества к свету и воздуху, борьбы за религиозное и нравственное углубление, за духовную и гражданскую свободу, за хозяйственный и социальный подъем, — за все те идеалы, из-за которых стоит жить»¹⁸⁵. «Единственный из славянских языков, который кажется призванным занять место в ряду нынешних главных культурных языков, это — русский язык». Та триада таких языков, о которой говорил Дильс, должна будет расшириться в тетраду¹⁸⁶: русский язык станет рядом с немецким, французским и английским. — Крумбахер шел [130] еще дальше в своих предсказаниях. Его радовала мысль, что возвешенное после злополучной войны преобразование государственного строя России «означает для исполинской державы начало новой, богатой надеждами эпохи и, может быть, некогда будет цениться еще выше, чем реформа Петра Великого»¹⁸⁷. Он верил, что преобразовательное движение превратит старую Россию в новую, более сильную и великую¹⁸⁸. Учитывая последствия будущего подъема могущества и влияния нашей родины при постоянном росте ее населения, Крумбахер находил возможным предсказывать, что «русский язык, вероятно, возвысится даже до положения одного из главных **мировых** языков», что со временем языками мирового общения будут главным образом два языка, английский и русский¹⁸⁹.

Сбудутся ли когда-нибудь эти пророчества? Да или нет, но наш священный долг — глубокой благодарностью проводить в царство вечности такого пророка.

Теодор Гомперц (1832–1912) (некролог)¹⁹⁰

[927] 16/29 августа скончался замечательный еллинист и историк греческой философии Теодор Гомперц.

Выдающейся чертой его умственного склада была многосторонность стремлений, простиравшаяся на разнообразнейшие предметы науки и на

---

¹⁸⁵ Ibid. S. 367.

¹⁸⁶ Ibid. S. 365 sq.

¹⁸⁷ Ibid. S. 364.

¹⁸⁸ *Krumbacher K. Rec.: Die Erzählungen über die 42 Märtyrer von Amorion und ihre Liturgie, herausgegeben von V. Vasiljevskij und P. Nikitin. 1905 // Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1905. № 12. S. 939.*

¹⁸⁹ *Populäre Aufsätze. S. 366 sq.*

¹⁹⁰ [Опубл.: Известия Имп. Академии наук. 1912. Сер. 6. № 15. С. 927–936.]